

А.Н. Кирпичников

Свод археологических источников

**Древнерусское оружие. Выпуск 2. Колья, боевые
топоры, кистени, булавы IX-XIII вв**

УДК 902
ББК 63.4
А11

А11 **А.Н. Кирпичников**
Свод археологических источников: Древнерусское оружие. Выпуск 2. Колья, боевые топоры, кистени, булавы IX-XIII вв / А.Н. Кирпичников – М.: Книга по Требованию, 2023. – 182 с.

ISBN 978-5-458-34705-1

Археология СССР. Свод археологических источников. Древнерусское оружие. Выпуск 2. Колья , боевые топоры, кистени, булавы IX-XIII вв.

ISBN 978-5-458-34705-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА 1

КОПЬЯ И СУЛИЦЫ

Ударища копи харалужными о доспехи
татарьския

Задонщина.

КОПЬЯ

Среди раннесредневековых военных древностей наконечник копья — одна из наиболее частых находок. Не поэтому ли обнаруженный материал долгое время казался рядовым, «обыденным» и не привлекал внимания. Археологи и оружейеды собирали уникамы, охотнее занимались такими «яркими» вещами, как шлемы и мечи. Э. Ленц, например, отказался от подробного анализа оружия на древках на том основании, что оно будто бы «никогда не было рыцарским».¹ Немного писали о копьях и копьеях русской археологии. Попытки классифицировать материал были слишком суммарны и не выходили обычно за пределы какого-либо одного района или области. Даже в крупных исследованиях наконечники копий² публиковались выборочно. Из всей массы копий, найденных в приладожских курганах, Н. Е. Бранденбург выделил две «довольно характерные формы» наконечников — ланцетовидную и листовидную.³ Это разделение несколько углу-

били А. А. Спицын⁴ и В. А. Городцов.⁵ Не намного продвинулось изучение интересующих нас вещей и в наши дни. В современных работах копье справедливо относят к главным наступательным средствам киевского ратника. А. В. Арциховский называет копья массовым и демократическим видом оружия. Среди разнообразных наконечников он заметил преобладание листовидных и ромбовидных типов.⁶ В дальнейшем эту точку зрения поддержали другие исследователи, но ныне этим нельзя ограничиваться.

К настоящему времени скопилось значительное количество находок. Нами учтено 754 наконечника копий и 47 сулиц IX—XIII вв.⁷

⁵В. А. Городцов. Описание холодного оружия. Копье и пика. Отчет РИМ за 1911 г., прил., М., 1913, стр. 18.

⁶А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв., Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, в. 4, М., 1946, стр. 3 и сл.

⁷Из этого количества 195 копий и 6 сулиц известны нам только по упоминаниям в литературе и в архивных источниках (см. каталог находок). В число учтенных наконечников входят также экземпляры, место находки которых устанавливается лишь приблизительно. Из 754 копий 219 найдены на поселениях, остальные происходят из погребений. Мы не останавливаемся на железных подтоках для копий. В X—XI вв. они уже существовали, но употреблялись редко. Характерно, что ни в одном из древнерусских погребений подток ни разу не найден. Подтоки могли использоваться, кроме военных, и в хозяйственных целях, например для оковки шестов, которыми пробивали лед, и т. д. (о подтоках см.: А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 130)

¹Э. Ленц. Указатель отделения средних веков. Собрание оружия, ч. 1, СПб., 1908, стр. 45—46.

²Слова «наконечник копья», «копье», «наконечник» в тексте часто употребляются как равнозначные понятия.

³Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, стр. 63.

⁴А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 34.

Большинство наконечников найдено 40—70 лет тому назад. Исследователю приходится здесь, если так можно выразиться, «продираться» сквозь «лес копий» и поэтому очень трудно избежать ошибок. Обилие материала в данном случае оказалось полезным и даже совершенно необходимым для его сколько-нибудь результативной систематизации. Копье не было таким дорогим и уникальным оружием, как меч или сабля, а при отсутствии украшений индивидуальная характеристика предмета затруднительна. Поэтому при выделении типа потребовалось установить большие серии одинаковых форм, учесть ряд мелких деталей, провести перекрестные сопоставления. В истории копья встречаются примеры совпадения форм наконечников, относящихся к далеко отстоящим друг от друга историческим периодам. «Наконечники пик, которыми были вооружены крестьяне окрестностей Смелы на моей памяти в 1863 г., — писал А. Бобринский, — немногим отличаются от скифских прообразов их».⁸ Однако такие совпадения редки, кроме того, всегда находится различие в деталях. В большинстве древнерусские копья обладают достаточным своеобразием, для того чтобы отнести их к той эпохе, когда они действительно бытовали. Предлагаемая ниже классификация вещей направлена, в частности, и на то, чтобы сделать копье, когда это возможно, датирующей находкой.

При выделении типов копий основное внимание обращалось на «действующую» часть — лезвие копья — с учетом, конечно, всей совокупности признаков (ширина лезвия, соотношение лезвия и втулки, наличие черешка или втулки и т. д.). При этом некоторые типы оказались очень устойчивыми и характерными, а число типов не превышает семи (рис. 1).⁹

Исследование наконечников копий из отечественных находок не могло обойтись без сравнений с вещами других стран. Полезный для этого материал содержится в ряде монографий (особенно в книгах Я. Петерсена и А. Надольского), но лишь одна из них посвящена специально копьям. Это труд датчанина М. Иллеходжа.¹⁰ История копья им прослежена на больших пространствах и у разных европейских народов. Так, по его мнению, у викингов копье не занимало главного места в вооружении, уступая место топору. Показывая

общность развития форм, Иллеходж, к сожалению, не остановился на их локальных особенностях, не подверг также статистической обработке вещественные памятники, поэтому преобладание и особенности тех или иных типов ему не всегда удается установить. Остается открытым вопрос о происхождении некоторых широко распространенных форм средневековых копий. В целом рассматриваемое издание не выходит за рамки подробно иллюстрированного справочника.

Исторические свидетельства начиная с VI в. показывают, что копье было в руках славянского воина главным и типичным средством борьбы.¹¹ Славяне в VI—VII вв. воевали снаряженные двумя-тремя копьями. Это оружие было тогда легким, метальным. Византийские полководцы даже рекомендовали славянские дротики своим пехотинцам, «не умеющим стрелять из лука или на случай, если стрел не хватит».¹² Однако археологически наконечники VI—VIII вв. (также и IX в.) известны очень мало.

Несколько разрозненных находок происходят из нижнего горизонта Старой Ладogi,¹³ одной из ладожских сопок,¹⁴ Шепиловского городища в Тульской области¹⁵ и южной Украины.¹⁶ Все эти лавролистные или двушипные копья¹⁷ оказались небольшими, легкими и действительно могли годиться не только для удара, но и для метанья.

Новый период в истории древкового оружия начинается на Руси в IX или X в. Среди форм копий этого времени есть такие, которые восходят к более раннему периоду. Типично это для мордовско-муромских могильников, где эволюция копья прослеживается в течение последней четверти I тысячелетия н. э. Однако ведущие формы копий раннекиевского государства были в большой мере новым явлением в материальной культуре страны (рис. 2).

Основная масса материала X в. сосредоточена в северо-восточной Руси в районах с чудским или смешанным русско-финским населением и происходит главным образом из курганов

¹¹L. Niederle. Slovanské starožitnosti, díl III, sv. 2, Praha, 1925, стр. 547.

¹²Маврикий. Тактика и стратегия. СПб., 1903, стр. 200.

¹³3 копья из раскопок 1950 г. Гос. Эрмитаж, ОИМК, хр. 1977; 1697, 1441.

¹⁴Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, табл. IX, 7.

¹⁵С. А. Изюмова. Археологическая разведка в 1951 г. в Тульской области. КСИМК, в. 52, 1953, стр. 74—77, рис. 27.

¹⁶3 копья VIII—IX вв. найдены на поселении у с. Пеньковка Новогеоргиевского района Кировоградской области. (Д. Т. Березовец. Славянские поселения в устье Тясмина. КСИА, вып. 8, Киев, 1959, табл. II, рис. 3 и 4 на стр. 43).

¹⁷Все эти копья не вошли в каталог находок копий IX—X вв., так как они в большинстве относятся к VIII—IX вв.

⁸А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. III. СПб., 1901, стр. 78.

⁹Типы различных копий, сходных по форме лезвия, рассматриваются рядом друг с другом, но их нумерация идет иногда вразбивку. Это связано с тем, что типы IV и IVA возникли позже 6 других типов IX—X вв., которые пронумерованы с «пропуском» I—III, V—VII в расчете на то, что с XI в. этот пропуск в типологии будет восполнен новым типом IV.

¹⁰M. Ellehaug. The Spear traced through its post-Roman development. Tøghusmuseets Skrif-ter 5, Copenhagen, 1948.

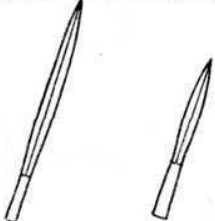

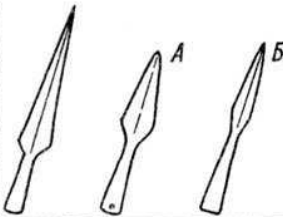
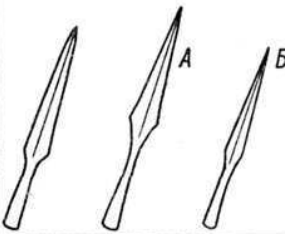
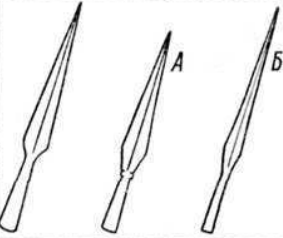

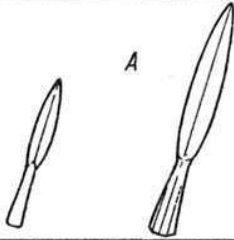

дата типы	IX - нач. XI вв.	XI - XII вв.	XII - XIII вв.
I		 <p data-bbox="820 485 932 521">Только XI в.</p>	
II			
III			
IV			
V			
VI		 <p data-bbox="820 1581 932 1617">Только XI в.</p>	
VII			

Рис. 1. Копья IX—XIII вв. Типологическая схема.

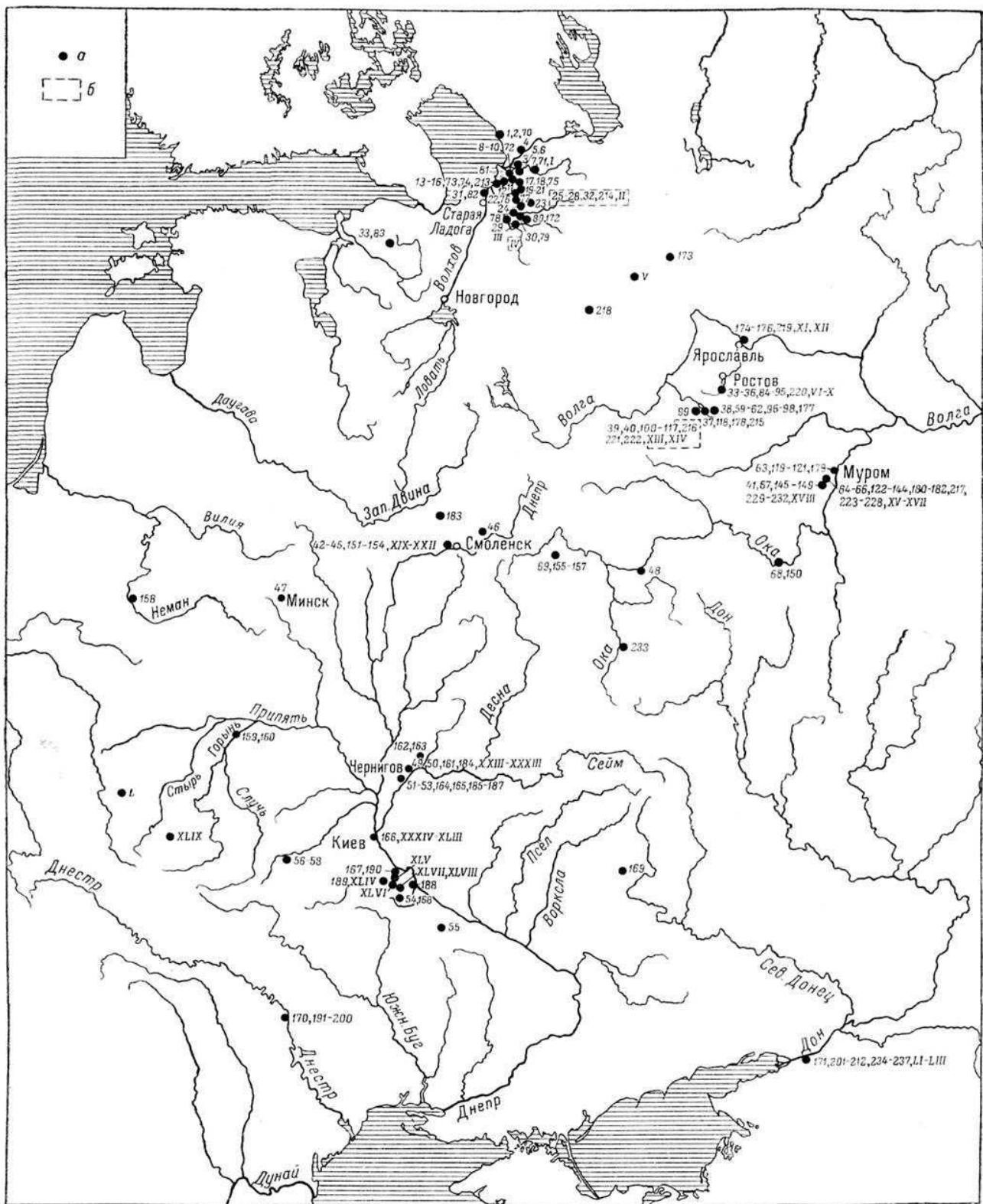

Рис. 2. Копья IX — начала XI в. Карта находок.
 1—237, I—LIII — номера по каталогу; а — место находки; б — район находки.

нов. Значительное количество копий XI в. оставлено русским населением, хоронившим еще по курганным языческим обрядам (рис. 3). В некоторых чудских районах (на Муромщине, в Приладожье) в это время наконечники или вовсе исчезают из погребений, или число их заметно сокращается. Отмечаются случаи, когда при раскопках сотен курганов не встречено ни одного копья, и, наоборот, обнаружены могильники, весьма насыщенные этим оружием (кладбища у г. Заславля Минской области, у д. Калихновщина на Гдовщине). Подобное явление (известное и для X в.) можно объяснить наличием поселений военных людей, в силу разных обстоятельств живших в определенных местах (плодородные удобные земли, крупное феодальное поместье, пограничная или торговая застава). Большинство копий XII—XIII вв. найдены не в погребениях, а на поселениях, особенно южнорусских (рис. 4). Десятки наконечников копий — это самая массовая после стрел категория оружейных находок, обнаруженных на городищах предмонгольской поры.

Неравномерное географическое размещение вещей, часто историкоархеологически случайное, зависело не только от степени распространенности самого оружия, но и от этнических, исторических и других обстоятельств. Неодинаковая насыщенность находками не мешает, однако, выявить общую тенденцию в развитии вещей.

Для эпохи безраздельного господства обряда ингумации можно определить положение копья в могиле. Наконечник обычно находился справа от скелета, у головы или ног. Человек, ушедший в загробный мир, как и в жизни, нес свое оружие в правой руке. Копья клали острием к ступне или к голове, что определяет длину древка приблизительно равной росту человека, т. е. 180—200 см.¹⁸ В таких случаях копье выступает, по всей вероятности, как пешехотное оружие, кавалерийские копья были длиннее и достигали 360 см.¹⁹ Кстати сказать, деревянная часть копья обозначалась в домонгольское время словами древо, стружие,²⁰ оскепище.²¹

Переходим теперь к типологическому анализу начиная с древнейших форм.

¹⁸Подтверждают эту длину и древние изображения воинов с копьями (ср.: Древности Российского государства, в. I—IV, СПб., 1871—1887, табл. 55, 2, 3, 10 и 14).

¹⁹Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 22.

²⁰Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М. — Л., 1958, стр. 303; ср.: С. Д. Ледеява. Наблюдения из области исторической лексикологии. Уч. зап. Кишиневск. пед. инст., т. XI, 1958, стр. 144.

²¹Оскепище упомянуто в летописи дважды (Ипатьевская летопись под 1229 и 1231 гг.). Этот термин дожил до московской эпохи. Копье под названием оскеп-проспек также дважды упомянуто в источниках в 1071 и в 1123 гг. (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902, стр. 723).

Тип I. Копье с пером ланцетовидной формы легко суживающимся у шейки и плавно переходящим во втулку.²² На лезвии всегда различима грань, его поперечное сечение ромбическое (рис. 15, 1—2; 16, 1—3; 17, 1, 3—4; 19, 1—2; 20, 3—4; 21, 1—4, 25, 3—4 и 7). Чем севернее, тем ланцетовидных копий больше. В X в. в Юго-Восточном Приладожье они преобладают среди других форм. В русских дружинных погребениях ланцетовидные копья — один из основных типов, бытующих как на севере, так и на юге страны (Владимирские, Гнездовские, Черниговские курганы). Древнейшее копье рассматриваемого типа с дамаскировкой на лезвии и врезным «готическим» орнаментом на тулье обнаружено в Гнездове (42) и относится, самое позднее, к 900 гг. (рис. 15, 1). Во всей Европе таких наконечников зарегистрировано 12 экз., датируются они второй половиной VIII—IX в. и в Скандинавию, Англию и Россию были привезены, вероятно, из рейнских мастерских.²³ Среди наших находок имеются еще 3 копья X—XI вв. с врезным орнаментом на тулье, но уже без дамаскировки (18, 47 и 243; рис. 15, 2 и 20, 4), что также считается признаком западноевропейских мастерских IX—X вв. (иногда и более раннего времени).²⁴ В целом же на Руси, как и в остальной Европе, в X в. господствовали неукрашенные наконечники, видимо, местной работы.

Позднейшие ланцетовидные наконечники найдены в ленинградских и белорусских курганах и относятся примерно к первой половине XI в. Таким образом, общая датировка этих вещей 900—1050 гг., что соответствует хронологии польских, эстонских и литовских аналогий.²⁵

История ланцетовидного копья связана с Европой. Очень много их в Средней и особенно в Северной Европе. Эти копья восходят там к VII—VIII вв., при этом полагают, что они франкского происхождения.²⁶ В Скандинавии,

²²В каталоге, 1—58 и 238—262 — всего 83 экз. Обычные размеры: длина 25—40 см, ширина лезвия 2. 5—3 см, она приближается к диаметру втулки, толщина пера 0. 5—0. 7 см.

²³J. Żak. Eino skandinavische frühmittelalterliche Eisenlanzenspitze aus Grosspolen. Meddelanden fran Lunds universitets historiska museum. Lund, 1959, стр. 139.

²⁴H. Arbm an. Schweden und das karolingische Reich. Stockholm, 1937, стр. 234. — В Норвегии, Швеции, Финляндии, Польше и СССР (включая Эстонию, Литву и Калининградскую область). Я. Жак насчитал 145 копий с врезным орнаментом на тулье (J. Żak. Eine skandinavische frühmittelalterliche Eisenlanzenspitze..., стр. 140—148). — Интересно, что в раскопках Старой Ладоги в 1958 г. обнаружено деревянное игрушечное копье с бороздками на тулье, явно подражавшее боевому копью.

²⁵J. Żak. Eine skandinavische frühmittelalterliche Eisenlanzenspitze..., стр. 138.

²⁶K. Böhner. Die fränkischen Altertümer des Trierer Landes. Berlin, 1958, Bd. 1, стр. 152—153; Bd. 2, табл. 28, 1 и 29, 5; G. Gjessing. Studier i norsk Merovingertid. Skrifter utgitt av det norske

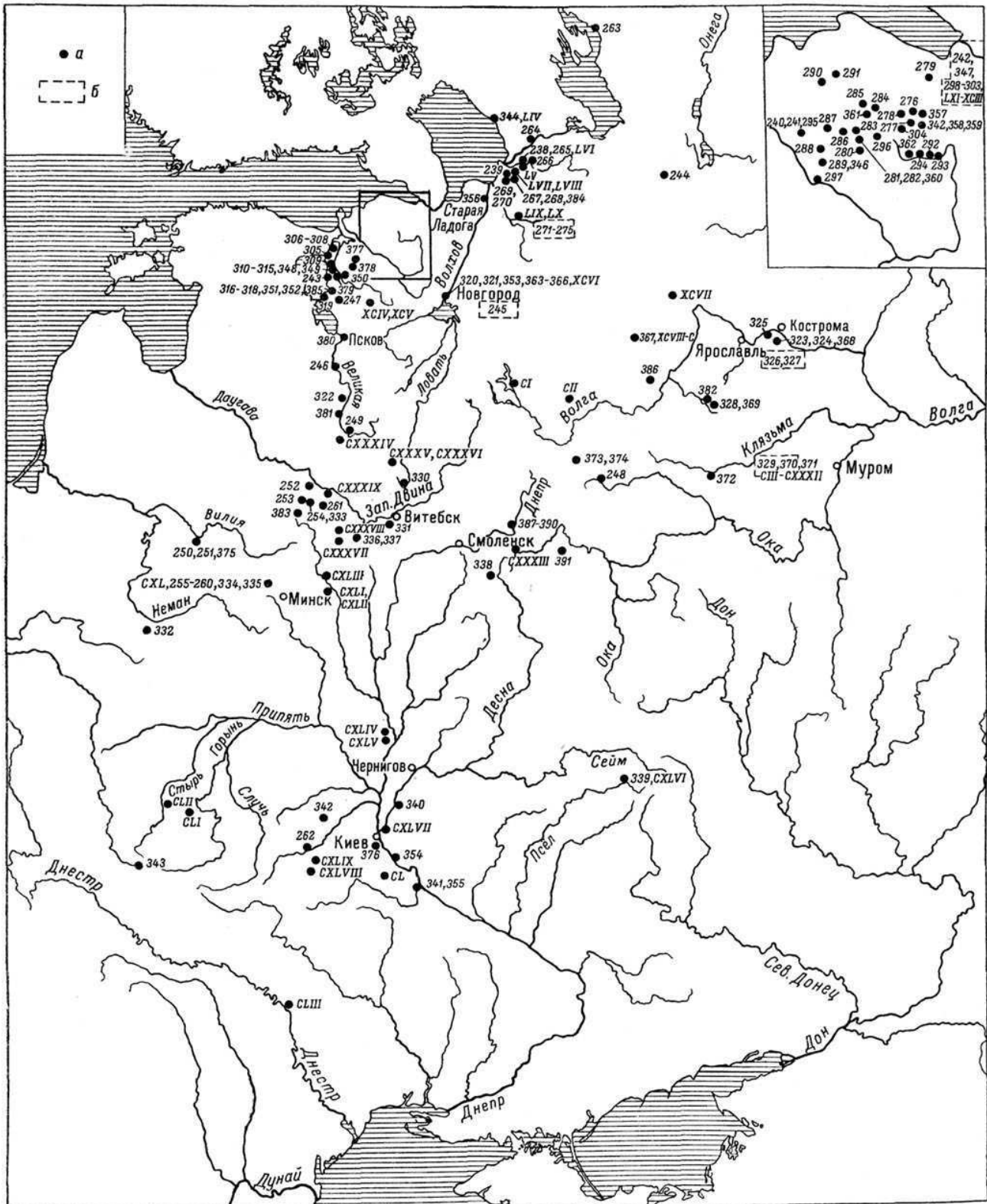

Рис. 3. Копья XI—XII вв. Карта находок.
 238—391, LIV—CLIII — номера по каталогу. Остальные обозначения те же, что на рис. 2.

например, ланцетовидные наконечники появились в конце меровингского времени и у викингов представляли основной тип боевого копья.²⁷ Не исключено, что и русские копья этого типа восходят к западным или северным образцам VIII—IX вв., о их местном происхождении пока ничего сказать нельзя. Прото-типы ланцетовидного копья — наконечники лавролистной формы, как было замечено выше, найдены в европейской части СССР, где они связываются со славянской, а также финской культурами. Однако связь лавролистных копий VII—VIII вв. с более поздними ланцетовидными на нашей почве не вполне очевидна.

К 1000 г. развитие ланцетовидного копья приводит к уменьшению длины его пера, последнее теряет свои плавные правильные очертания и заостряется к концу; втулка расширяется и увеличивается в длину. Очевидно, все эти изменения связаны с участвующим использованием металлических доспехов, вызвавшим заострение наконечника и более надежное его скрепление с древком. Эта поздняя разновидность ланцетовидного копья встречена также в Финляндии и Норвегии,²⁸ где связывается с концом времени викингов,²⁸ что не противоречит датировке русского материала.

Тип II. Копье с пером ромбической формы. На лезвии видна грань²⁹ (рис. 21, 5—7). Все образцы этого типа встречены в средней полосе, главным образом среди муро-мордовских древностей IX—XI вв.³⁰ Некоторые из этих наконечников по типологическим признакам сближаются с ланцетовидными и представляют для X — начала XI в., по-видимому, ответвление последних. В целом ромбовидные копья для славянского оружия не характерны. Для X в. эта форма была архаичной, пережиточной. Всюду в Европе ромбовидные наконечники в своей массе относятся главным образом к VI—VIII вв.³¹

Videnskaps-Akademi i Oslo, II Hist.-filos. klasse, N 2. Oslo, 1934, стр. 59—60; F. Fremersdorf. Das fränkische Reihengräberfeld Köln-Müngersdorf. Berlin, 1955, Tafelband, табл. 98, 1—7.

²⁷J. Petersen. De norske vikingesverd. Kristiania, 1919, стр. 26, рис. 12; 13 (тип E); M. Ellehaug. The Spear..., рис. 33; 34; 35; E. Gessler. Die Trutzwaffen der Karolingerzeit vom VIII bis zum XI Jahrhundert. Basel, 1908, стр. 48 (миниатюры доказывают преобладание этого типа копий на Западе с конца IX по XI в.)

²⁸J. Petersen. De norske vikingesverd, рис. 26; E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands, II, Helsinki, 1951, стр. 17 и рис. 797.

²⁹В каталоге, 59—69 — всего 11 экз. Обычные размеры: длина до 30 см, ширина лезвия около 3 см, толщина пера около 1 см, угол, образуемый изгибом нижнего и верхнего края лезвия, 155—160°.

³⁰П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, табл. XXX, 1.

³¹Л. Бобчева. Взоружението на славяни и първобългари. Военно-исторически сборник, № 3, София, 1957, стр. 63, рис. V, 2; K. Böhner. Die fränkische Altertümer..., Bd. I, стр. 148; Bd. II, табл. 28, 3; H. Salmo. Die Waffen der Merowinger-

Только по недоразумению ромбические копья попали в типично древнерусские. Эта ошибка вызвана рядом причин и, между прочим, одной неверной датой. Среди тысяч новгородских курганов в раскопках Л. К. Ивановского однажды вскрыто трупосожжение у погоста Доложское (курган № 45, раскопки 1891 г.), содержащее копье с плоским ромбическим листом, конический умбон и трехзвенные удила.³² Копье этого комплекса ныне издано трижды и в конце концов стало иллюстрировать древнерусские наконечники.³³ В действительности вещи доложского погребения относятся, вероятно, еще к римскому периоду³⁴ и представляют на севере России большую редкость для своего времени. Доказательством существования ромбовидных лезвий послужило также изображение копий на миниатюрах Радзивиловской летописи. Приходится признать, что в данном случае мы имеем дело лишь с условным значком, которым художник обозначал наконечник копья.

Тип III. Копье с относительно широким пером удлинненно-треугольной формы.³⁵ Плечики ясно выражены, иногда низко опущены, иногда несколько приподняты. Втулка, как правило, массивна и расширяется книзу. Поперечное сечение лезвия ромбическое, реже заостренно-овальное. У большинства на лезвии заметна грань (рис. 16, 4—6; 17, 6, 7; 18, 2, 3, 8, 9; 19, 4, 8, 9, 13; 20, 1; 21, 8—14; 36, 2; 37, 1 и 6). В этот тип включен ряд разновидностей, которые будут рассмотрены ниже.³⁶ Копья этой группы одни из самых популярных и найдены повсеместно. Распространенность копий удлинненно-треугольной формы в средневековой Европе настолько велика (и именно для VIII—XI вв.), что трудно связать их происхождение с каким-либо одним

zeit in Finnland. SMYA, XLII, Helsinki, 1930, табл. XXXVI, 5, стр. 190 и сл.; Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна ВИЛИИ в археологическом отношении. Труды Х АС, т. I, М., 1899, табл. II, 4 и IV, 1, 5.

³²А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., стр. 109, табл. XVIII, 7, 16 и 28. — А. А. Спицын относил погребение к VIII—IX вв. и считал его литовским.

³³М. Г. Рабинович. Из истории русского оружия IX—XV вв. Тр. Инст. этногр., нов. сер., т. 1, М. — Л., 1947, стр. 78; Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, рис. 109 на стр. 140 (копье, второе справа, без указания места находки. Хранится в ГИМе, экспозиция).

³⁴Ср.: Н. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., Teil II. Tartu, 1938, рис. 195, в (копье); близкий по форме умбон см.: Ausgrabungen und Funde, Bd. 3, Heft 4/5, Berlin, 1958, рис. 71.

³⁵В каталоге, 70—75 и сл., 263—264 и сл., 402 и сл. — всего 112 экз. Обычные размеры: общая длина 20—40 см, иногда до 50 см, ширина пера 3—5 см, диаметр втулки 3 см, толщина лезвия около 1 см. Угол изгиба лезвия 130—140°, у длинных иногда до 150°. Отношение лезвия к втулке 2: 1, реже 3: 1, и 3: 2.

³⁶В каталоге эти разновидности объединены в одном перечне с типом III.

районом. Отметим, например, что найденные у нас длинные, стройные наконечники с тонким переходом от лезвия к шейке и поперечными линиями на тулье (78, 80 и 333) соответствуют норвежскому типу F по Я. Петерсену, а короткие и более приземистые не отличаются от норвежского типа G (также по Я. Петерсену).³⁷ Сходство здесь не только формальное, но и хронологическое (частично для типа F и полное для типа G). В дальнейшем было бы бесцельным перечислять множество приближенных аналогий типа как в отечественном, так и в зарубежном археологическом материале. Здесь, однако, заслуживает доверия мнение Я. Айснера о том, что копьё с широким треугольным листом и относительно короткой тульей издревле славянские.³⁸ Например, в Болгарии такие наконечники в IX—X вв. преобладают. Очень возможно, удлиненно-треугольные копьё на Руси связаны с западно-или, лучше сказать, с общеславянскими прототипами. Местное изготовление на Руси копий этой формы не подлежит сомнению.

Удлиненно-треугольные наконечники встречаются в курганах дружинников, но там они почти нигде не преобладают среди других форм. Зато эти образцы типичны для многочисленных деревенских курганов центральной и северной Руси XI в. Объяснимо это тем, что копьё удлиненно-треугольной формы, по-видимому, служило и охотничьим, и боевым оружием. Они имели широкое крупное лезвие и поэтому были эффективным оружием охоты, так как наносили зверю большую и опасную рану. Везде, где сталкиваешься с древними охотниками и звероловами, их часто узнаешь именно по этим копьё. В XII—XIII вв., когда учащаются войны, распространенность и значение копий удлиненно-треугольной формы значительно снижаются.³⁹

В ранней группе наконечников типа III не сколько экземпляров снабжены пером пламевидным по своему очертанию (80, 86—89, 152, 333; рис. 35, 6). Пламевидность лезвия в ряде случаев объясняется его неоднократной заточкой. Лезвие, изготовленное из железных и стальных полос, при заточке сильно стиралось, чего нельзя примечать на цельностальных копьёх более поздней поры.⁴⁰

³⁷J. Petersen. De norske vikingesverd, рис. 15 и 17; 18. — Копьё типа F относятся к 850—950 гг., типа G — к X — началу XI в.

³⁸J. Eisner. Devínska Nová Ves. Bratislava, 1952, стр. 290, табл. 47, 5; 61, 7; 72, 1; 108, 11.

³⁹Экземпляры типа III к XII—XIII вв. становятся более длинными (до 50 см), особенно в отношении лезвия. Вообще же копьё этого типа очень устойчиво бытовало в течение всего средневековья.

⁴⁰Для более раннего периода пламевидное очертание лезвия, кажется, было изначальным. Эта особенность присуща европейским копьёх начиная с VI в., но после VIII в. такие формы в качестве самостоятельного типа перестают существовать (H. Salmo. Die Waffen..., стр. 163 и 173, рис. 47; 48).

Две русские находки имеют на тулье орнаментальную серебряную насечку, что, возможно, указывает на их западное или северо-западное происхождение. Один из наконечников (Волковыск, 332) по своему орнаменту (узор из ленточного плетения и ромбов) очень близок копьёх X в. Польши, о. Готланд и Швеции,⁴¹ другой (Бондари, 340; рис. 20, 1) — с орнаментом в стиле рунических камней⁴² имеет много прибалтийских аналогий XI в. и, вероятно, готландского происхождения.

Сказанное о копьёх типа III в основном относится и к их разновидности (тип IIIA), представленной с IX в. (возможно, и раньше). Древнейшие наконечники этой разновидности отличаются от вышеописанных более коротким лезвием с сильно скошенными плечиками и особыми пропорциями тульи и пера (отношение длины лезвия и тульи 1: 1; рис. 18, 4; 22, 1—4; 35, 5).⁴³ В целом эта форма наконечников менее совершенная и менее выработанная, чем у образцов типа III (меньшая длина режущего края, резкое расширение пера от оконечности к основанию). Подавляющее большинство копий X в. типа IIIA локализуется в восточных районах (Подболотье, Максимовка, Сарское городище, район Переяславского озера). Находки этих наконечников в Зап. лесской, Смоленской и Муромской землях можно связать с чудским населением. Действительно, в муромских и мерянских могильниках IX — начала XI в. наконечники данной формы господствуют и только в редких случаях обнаруживаются в русских погребениях и поселениях (Гнездово, Старая Рязань, Хотомель, Екимавцы). Образцы такого рода встречаются также в Лядинском, Томниковском и некоторых прибалтийских могильниках (реже на городищах).⁴⁴ Имеются экземпляры, относящиеся к VIII—IX вв.⁴⁵

Копьё типа IIIA, существовавшие в XI—XIII вв., отличны от своих чудских предшественников IX—X вв. Сохранилась только ско-

⁴¹M. Strömberg. Eine silbertauschierte wikingzeitlicher Speerspitze in einer schonischen Privatsammlung. Światowit, t. XXIV, Warszawa, 1962, стр. 409—420, рис. 1; 2; 3.

⁴²T. J. Arne. Gotland-Kiev under vikingatiden. Gotlandskt Arkiv. Lund, 1943, рис. 1 на стр. 11. — Автор датирует вещь 1000 г.

⁴³В каталоге, 76, 90—93 и сл. Всего копий типа IIIA IX — начала XI в. 56 экз. Обычные размеры: общая длина 20—25 см, ширина листа 3. 5—5 см, диаметр втулки около 3 см, толщина лезвия около 1—1. 5 см. Угол изгиба лезвия 145—155°.

⁴⁴В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР, № 10, СПб., 1893, табл. X, 8, 30 и 33; также coll. ГИМа, хр. 39/57а и 39/59б; Б. А. Колчин. Черная металлургия...

⁴⁵А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК, в. XXIX, М. — Л., 1949, рис. 14, 5 на стр. 78; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. МИА, № 62, 1958, рис. 16 на стр. 123.

шенность плечиков, размеры и весь облик стали иными.⁴⁶ Скошенность боковых частей лезвия в его нижней части у экземпляров типа III A в XI столетии уже не обозначала невыработанность формы. Наличие скошенных плечиков позволила удлинить лезвие наконечников без увеличения их веса (рис. 19, 5—7, 10; 22, 5—7). Копья рассматриваемого вида появились в XI в., по-видимому, в результате переработки традиционного копья продолговато-треугольной формы с целью несколько удлинить его пропорции и вынести вперед центр тяжести лезвия.

Среди отечественных находок оказались наконечники типа IIIA стройной и изящной формы с плавным переходом от пера ко втулке (265, 267, 280, 291, 312, 329, 341) и иногда небольшим утолщением на шейке. Такие образцы широко известны в Европе под наименованием типа M по Я. Петерсену (в Англии,⁴⁷ Дании,⁴⁸ Норвегии,⁴⁹ Швеции, Финляндии,⁵⁰ юго-восточной⁵¹ и южной Прибалтике,⁵² также в северном Поволжье⁵³). Единообразие этих копий настолько велико, что наводит на мысль о существовании в XI в. стандартной серии этих вещей, выпущенных многими производящими центрами, и об умелом подражании во многих странах изделиям лучших мастерских.

Возможно, что из какой-то балтийской мастерской происходит одно из новгородских копий XIII или XIV в. (401) с узорной стальной накладкой по краю лезвия. Несколько аналогичных образцов с декоративно оформленной стальной наваркой лезвий известны в Финляндии и Прибалтике.⁵⁴ Листовидные копья с сильно скошенными плечиками встречаются и позже XIII в.⁵⁵ Таким образом, развитие

лезвий типа IIIA не прекратилось после монгольского нашествия.

Прогрессирующая скошенность нижнего края лезвия приведет к появлению уже в X в. узколистных, почти пиковидных наконечников — тип ШБ (рис. 17, 2 и 9; 18, 1; 22, 8-13).⁵⁶

В X—XI вв. таких образцов еще немного, но в последующие 150 лет они повсеместно начинают вытеснять удлиненно-треугольные копья других форм (т. е. типы III и IIIA). С течением времени эти наконечники сужаются и удлиняются. Копья типа ШБ находятся в феодальных замках, жилищах знати, погребениях воинов, что позволяет отнести их скорее к боевому, нежели промысловому оружию. Неоконченная обработкой заготовка копья из Смоленска (408) устанавливает существование местного производства.

Итак, рассмотрение копий удлиненно-треугольной формы обнаруживает существование трех групп, из которых в XII—XIII вв. выдвигаются узкие длинные наконечники (тип ШБ). Эволюция листовидного копья ко все более узкому, длинному, пиковидному стержню в век широкого распространения кольчатой и пластинчатой брони вполне закономерна.

Тип IV. Копье с пером продолговато-яйцевидной формы, скругленными плечиками, переходящими в невысокую тулью⁵⁷ (рис. 17, 5; 18, 14; 20, 2; 23, 1, 2; 36, 8; 37, 8). Лезвие уплощено, грань или отсутствует, или едва заметна. Большая часть каталогизированных копий типа IV уверенно относится нами к XI в. (возможно, с выходом в XII в.). В более раннее время эти наконечники отсутствуют. Основные находки выявлены в северной Руси, что кажется не случайным.

Копья продолговато-яйцевидной формы периодически известны в эпоху бронзы,⁵⁸ в период великого переселения народов и в позднеромеровинское время.⁵⁹ Довольно интенсивное

⁴⁶ В каталоге, 265, 267 и сл. Всего копий типа III A XI—XIII вв. 31 экз. Средние размеры: общая длина 38—45 см, длина лезвия 27—35 см, толщина лезвия около 1 см, ширина пера 3. 8—5 см, диаметр втулки 2—3. 5. Угол изгиба 155°. Отношение лезвия к втулке 2: 1 и 3: 1.

⁴⁷ London museum catalogues, N 1, London and Vikings. London, 1927, p. 12, 5.

⁴⁸ M. Ellehaug. The Spear..., p. 31.
⁴⁹ J. Petersen. De norske vikingesverd, p. 25.

⁵⁰ E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands, t. II, стр. 18, p. 807; 808.

⁵¹ B. Nergmann. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Osbaltikum. Stockholm, 1929, стр. 113—116, p. 105 и 113; R. Hausman. Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga, 1896, табл. 23, 9; А. А. Спицын. Люцинский могильник. МАР, № 14, СПб., 1893, табл. XIV, 8.

⁵² A. Nadolski. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI, i XII wieku. Łódź, 1954, табл. XX.

⁵³ П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы XIII—XI вв., табл. XXXI, 5.

⁵⁴ E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands, t. II, стр. 40, p. 1104; 1105.

⁵⁵ Ср.: М. Г. Рабинович. Археологические раскопки в Москве и Китай-городе. КСИИМК, в. XXXVIII, М., 1951, p. 23, 11 на стр. 50; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 174, p. 68.

⁵⁶ В каталоге, 94—95, 136, 140, 146, 281—282 и сл. — всего 41 экз. Средние размеры: общая длина 20—30 см (для XII—XIII вв. до 58—64 см); ширина лезвия около 3 см (для XII—XIII вв. встречается 1. 5—2 см), диаметр втулки 2. 5—3 см, толщина пера около 0. 6—0. 8 см. Угол изгиба лезвия 160°. Отношение длины лезвия и втулки 2: 1, реж 3: 1. Некоторые копья типа ШБ XII—XIII вв. приближаются к пикам, они представляют узкие острия с почти исчезнувшими плечиками (394, 396, 404, 410—413, 414—416, 426, 430, 446).

⁵⁷ В каталоге, 344—355 — всего 12 экз. Средние размеры: общая длина 19—30 см (чаще 25—27 см), ширина лезвия 3—4 см, диаметр втулки 2—2. 5 см, толщина лезвия около 0. 7 см. Отношение длины лезвия к тулье 1: 1 и 2: 1.

⁵⁸ W. M. Flinders-Petrie. Tools and Weapons, London, 1917, табл. XXXVII, 1—15.

⁵⁹ G. Gjessing. Studier i norsk Merovingertid, стр. 43—45; H. Salmo. Die Waffen..., стр. 176, 207—209, табл. XXXIII, 3 рис. 49 на стр. 240; Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии..., табл. II, 2; IV, 2, 3.